

Галиева Надия Фаридовна

**ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2016

Работа выполнена на кафедре татарского языкознания отделения татарской филологии и культуры им. Габдуллы Тукая Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель:	Галиуллина Гульшат Раисовна доктор филологических наук, доцент
Официальные оппоненты:	Самситова Луиза Хамзиновна – декан факультета башкирской филологии, д. ф. н., профессор Башкирского государственного педагогического университета им. Мифтахетдина Акмуллы Вахитова Диляра Касимовна – к. ф. н., старший преподаватель Казанского государственного архитектурно- строительного университета
Ведущая организация	Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Защита диссертации состоится 22 сентября 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета(<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А. Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Отношение человека к окружающему миру в большинстве своем определяется через призму эмоций. Поэтому при изучении эмоциональности языка ведущим оказывается принцип антропоцентризма. Если оценивать значимость эмоциональных единиц в языковой системе, «то нужно иметь в виду не современный язык вообще, а его определенную, конкретную функциональную разновидность, или функционально-стилевую подсистему»¹. Поскольку для официально-деловой и научной литературы использование эмоциональных единиц функционально не оправдано, мы рассматриваем эмоциональность татарского языка в рамках художественной прозы. Современная татарская проза начала формироваться после распада СССР в 1991 г., когда произошла переоценка духовных и материальных ценностей жизни человека. Данные изменения находят отражение в полотно литературного произведения и определяют предпосылки зарождения его эмоциональности.

Актуальность исследования определяется неразработанностью проблем эмоциональности в современном татарском языкознании, а также отсутствием исследований, посвященных способам выражения эмоциональности в современной татарской прозе.

В художественном произведении под термином «эмоциональность» подразумеваются эмоции, вкладываемые автором в художественный текст, а также эмоции, проявляемые персонажами, и эмоции, возникающие у читателя. Под выражением эмоциональности подразумевается процесс эстетического выражения и восприятия, в котором участвуют автор, персонаж и читатель, либо один из них.

Изучение способов выражения эмоциональности на примере современной художественной прозы не только позволяет представить в едином комплексе возможности языка и речи, но и способствует пониманию менталитета и психологии татарской языковой личности.

Степень изученности темы и проблемы. Изначально эмоциональная сфера человека стала объектом исследования психологов и философов. В языкознании эмоции стали изучаться Х. Ортега-и-Гассетом², Ф. Уилрайтом³, В. В. Виноградовым⁴, Н. А. Лукьяновой⁵, И. А. Стерниным⁶, В. Н. Телия⁷, А.

¹ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 5.

² Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.

³ Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры: сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82–109.

⁴ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

А. Уфимцевой⁸, В. И. Шаховским⁹ и др. На основе современных веяний сформировались новые направления в лингвистике, изучающие эмоции: социолингвистический аспект эмоций (Е. Ф. Петрищева, Д. Н. Шмелев и др.); когнитологический аспект эмоций (Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова и др.); психолингвистический аспект эмоций (Е. Ю. Мягкова и др.); лингвостилистический аспект эмоций (Э. С. Азнаурова и др.).

Проблема выражения эмоций в татарском языке затрагивалась в работах, посвященных другим лингвистическим проблемам. Языковые и стилистические аспекты выражения эмоциональности на различных уровнях языка освещается в работах И. Б. Башировой¹⁰, Д. К. Вахитовой¹¹, Г. З. Габбасовой¹², Г. Р. Газизовой¹³, Г. Р. Галиуллиной¹⁴, А. К. Гизатуллиной¹⁵,

⁵ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 232 с.

⁶ Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.; Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.

⁷ Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 144 с.; Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

⁸ Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 206 с.

⁹ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 190 с.

¹⁰ Баширова И. Б. XIX гасыр ахыры–XX йөз башы татар әдәби теле: жанр–стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И. Б. Баширова. – Казан: ТР ФА, Г. Ибраһимов исем. ТӘСИ, 2008. – 339 б.; Баширова И. Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология / И. Б. Баширова. – Казан: ИЯЛИ, 2010. – 532 б.

¹¹ Вахитова Д. К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Д. К. Вахитова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2013. – 239 л.

¹² Габбасова Г. З. Средства выражения экспрессивности в татарском литературном языке (на материале имен существительных и прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. З. Габбасова; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2002. – 26 с.

¹³ Газизова Г. Р. Лексико-семантические и стилистические особенности художественной прозы Фатиха Карими: дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Газизова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 202 л.

¹⁴ Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Кгу, 2008. – 349 с.; Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Р. Галиуллина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2009. – 404 л.; Галиуллина Г. Р. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета / Г. Р. Галиуллина, А. Ш. Юсупова, Г. К. Хадиева, Э. Н. Денмухаметова. – Казань, 2011. – 120 с.

¹⁵ Гизатуллина А. К. Эмотивные предложения с сокращенной синтаксической структурой в татарском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук / А. К. Гизатуллина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2001. – 219 л.

Э. Н. Денмухаметовой¹⁶, М. З. Закиева¹⁷, Х. Р. Курбатова¹⁸, Ф. С. Сафиуллиной¹⁹. Лингвокультурологический аспект эмоциональности в татарском языкознании рассматривается в работах Л. К. Байрамовой²⁰, Р. Р. Замалетдинова²¹.

Объектом нашего изучения является эмоциональность, выраженная в современной татарской прозе.

Предметом исследования являются семантические, лексические, словообразовательные и грамматические средства выражения эмоциональности в современной татарской прозе.

Целью работы является комплексное изучение средств выражения эмоциональности в современной татарской прозе и ее отражения в татарском языке.

Достижение данной цели предусматривало решение следующих **задач**:

- 1) дать определение термину «эмоциональность»; охарактеризовать объем содержания эмоциональности и выяснить источник ее возникновения;
- 2) распознать причины потенциальной эмоциональности художественного текста в отличие от текстов, написанных в других стилях;
- 3) проанализировать способы реализации эмоциональности на коннотативном уровне семантики слова и определить его взаимосвязь с

¹⁶ Денмухаметова Э. Н. Фразеологическая синонимия в татарской прозе / Э. Н. Денмухаметова // Учен. зап. Казан ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2008. – Т. 150. – №8. – С. 111–115.

¹⁷ Татар лексикологиясе: 3 томда / М. З. Зәкиев [и др.]; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 352 б.

¹⁸ Курбатов Х. Р. Сүз сәнгате: Татар телендә лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы / Х. Р. Курбатов. – Казан: Мәгариф, 2002. – 199 б.

¹⁹ Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортларны студентлары өчен) / Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер нәшр., 1999. – 288 б.; Сафиуллина Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

²⁰ Байрамова Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме / Л. К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 276 с.; Байрамова Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков: аксиологический фразеологический словарь / Л. К. Байрамова. – 2-е изд., доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – 495 с.

²¹ Замалетдинов Р. Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р. Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 208 с.; Замалетдинов Р. Р. Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека / Замалетдинов Р. Р. [и др.]; ред. Р. Р. Замалетдинов. – Казань: Бриг, 2012. – 300 с.; Замалетдинов Р. Р. Национально-культурные концепты: учебно-методическое пособие / Р. Р. Замалетдинов, Ф. Р. Сибгаева. – Казань: Изд-во Кфу, 2013. – 56 с.

денотативным и сигнификативным макрокомпонентами семантики слова на уровне эмоциональной интерпретации слова;

4) выяснить способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе на уровне грамматики и словообразования;

5) охарактеризовать особенности менталитета татар в выражении эмоциональности;

6) определить особенности использования эмотивных и экспрессивных средств в современном татарском языке.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на примере татарской прозы последовательно проводится разноаспектный анализ особенностей языковых средств в создании эмотивных и экспрессивных способов, а также проводится детальный анализ компонентов значения, определяется их роль в выражении эмоциональности. Впервые в татарском языкознании раскрываются живописность, мастерство языка татарских писателей и их способность отражать в прозе глубину эмоционального мира представителей татарского этноса.

В соответствии с характером и объемом изучаемого материала в работе сочетаются различные **методы и приемы** исследования. Основным методом является *описательный метод*, в состав которого входят такие приемы, как изучение фактического материала, обобщение, интерпретация и классификация. *Метод компонентного анализа* используется при дифференцированном исследовании уровней семантики слова. При анализе некоторых языковых единиц современной татарской прозы используется *метод сопоставительного анализа языков*. *Психолингвистический метод* используется при рассмотрении эмоционального потенциала лексем в определенных ситуациях, которые раскрываются в контексте. С целью выявления особенностей менталитета татар в момент использования той или иной лексической единицы был применен *синтез приемов когнитивного и лингвокультурологического методов*.

Теоретическую основу исследования составили работы Г. Х. Ахунзянова, Л. К. Байрамовой, И. Б. Башировой, В. В. Виноградова, Г. Р. Галиуллиной, Ф. А. Ганиева, Ф. Ф. Гаффаровой, М. З. Закиева, Л. З. Заляя, Р. Р. Замалетдинова, Н. Исанбата, Х. Р. Курбатова, Н. А. Лукьяновой, Х. Махмутова, Ф. С. Сафиуллиной, И. А. Стернина, В. Н. Телия, Ф. И. Урманче, А. А. Уфимцевой, В. Х. Хакова, Ф. М. Хисамовой, В. И. Шаховского, А. Ш. Юсуповой и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении сущности категорий эмотивности и экспрессивности, их реализации на семантическом, лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях языка. Результаты исследования внесут вклад в дальнейшую разработку теории эмоциональности. Впервые в татарском языкознании нами высказано предположение, что эмоциональность имеет две разновидности

реализации – эмотивность и экспрессивность, различающиеся составом своих компонентов. Полученные результаты также будут способствовать углублению знаний о менталитете и культуре татар.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших лингвистических и лингвокультурологических исследованиях, а также в практике вузовского преподавания таких теоретических дисциплин, как лексикология, лингвокультурология, грамматика, словообразование; при составлении словарей, чтении спецкурсов, проведении семинаров; могут быть полезны для филологов, изучающих проблемы лингвистики, в частности коммуникативную лингвистику, для иностранных студентов с продвинутым уровнем татарского языка, желающих узнать об эмоциональном уровне мышления представителей татарского этноса, а также студентов психологов, философов и других гуманитарных направлений.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Анализ терминологического аппарата эмоциональности позволил выявить, что существует две ее разновидности – эмотивность и экспрессивность, которые обладают своим объектом исследования (эмотив и экспрессив) и реализуют в современной татарской прозе конкретные эмоциональные задачи через свою функциональную компетенцию (эмотивная и экспрессивная функции). Одинаковые эмоциональные значения лексических единиц современной татарской прозы в одном контексте могут выступать эмотивами, а в другом – экспрессивами. Слова становятся эмотивными и переходят на уровень коннотации на основе микрокомпонентов «образность», «оценочность» и «эмоциональность». В создании экспрессивности в современной татарской прозе участвуют семы «интенсивность», «образность», «эмоциональность». Данные компоненты эмотивности и экспрессивности присутствуют в семантике слова в различных комбинациях.
2. Анализ обширного материала современной татарской прозы и лексикографических источников показал, что эмоциональность современной татарской прозы на семантическом и лексическом уровнях формируется за счет понятий, определяющих внутренний мир татарской языковой личности: это слова, характеризующие душу, теологическая лексика, зоонимы, степень эмоциональности которых разнится в зависимости от гендерной принадлежности человека, а также лексика, формирующаяся за счет осознанного отхождения от этих норм, вследствие чего возникает аномальность языка. Данные понятия начинают выражать эмоциональность в канве различных переносных значений слова, разговорной лексики, территориальных и социальных диалектизмов, некоторые из них используются в качестве междометий.

3. В современной татарской прозе эмоциональным потенциалом обладают словообразовательные и грамматические единицы, в которых в различных комбинациях реализуются такие компоненты как «образность», «интенсивность», «эмоциональность», «оценочность».
4. В определении эмоционального потенциала семантического, лексического, словообразовательного, грамматического уровней современной татарской прозы большую роль играют экстралингвистические факторы.

Апробация работы. По теме исследования опубликовано 9 работ, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, в одном журнале, включенном в международную реферативную базу данных SCOPUS. Отдельные аспекты исследования докладывались на научных конференциях: международных («Хаковские чтения 2012» - Казань, 2012; «Джалиловские чтения. Муса Джалиль. Жизнь и творчество через призму ценностей XXI века» - Казань, 2016); региональных («Сравнительно-сопоставительное языкознание» - Чебоксары, 2010); республиканских («Татарская лингвокультурология: проблемы и перспективы» - Казань, 2010); а также на республиканском методическом семинаре («Актуальные проблемы преподавания и практического применения татарского языка» - Казань, 2012).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы, ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту, отмечается новизна полученных результатов, теоретическая и практическая значимость, характеризуются методологическая база и методы исследования, приводятся данные об апробации результатов работы, описывается структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы изучения эмоциональности в языкознании» состоит из пяти параграфов.

В §1.1. *«Природа эмоций и способы их преломления в языке»* раскрывается взаимосвязь духовного мира с материальным миром. Толчком к возникновению взаимоотношений материального и духовного мира служит познание. Познавая мир, человек оценивает его в ракурсе степени ценности для себя. Эмоции наделяются такими качествами, как скорость, температура, вес и преломляются в материальной действительности через поведение, воспоминания, диалог, красивое описание, сравнение, новости.

Во §1.2. *«Предпосылки и история изучения эмоциональности в гуманитарной науке»* дается краткий обзор истории изучения эмоций в

рамках различных дисциплин. Эмоции долгое время не были объектом отдельного исследования в науках гуманитарного направления, однако их наличие всегда признавалось. Активное изучение эмоций началось в XVII в. (Т. Гоббс, Дж. Локк и т. д.). Из исследователей сферы эмоций в XVIII в. интересны воззрения Ж.-Ж. Руссо, который утверждал, что человек не начинает действовать рассуждая, а начинает действовать чувствуя («One does not begin by reasoning, but by feeling»: On the origin of language)²². В начале XX в. язык активно исследовался представителями Пражского лингвистического кружка (В. Матезиус, Б. Трнка, Ф. Данеш). В XX в. языковед В. А. Звегинцев характеризует эмоциональную сферу как «это не язык»²³. Противоположную точку зрения выражает Ш. Балли²⁴. Из отечественных языковедов эмоциональную природу языка признают И. В. Арнольд, Э. С. Азнаурова, В. В. Виноградов, В. И. Шаховский и др.

Представлены различные точки зрения исследователей на использование понятий «выражение» и «описание» эмоций. Некоторые исследователи считают, что это две различные группы слов, первая соотносится с коннотативным, вторая – с денотативным макрокомпонентом²⁵. Исследователь Э. Сепир пишет, что «...чем внимательнее мы изучаем реальные языковые формы, тем чаще вынуждены признавать, что они никогда не выражают просто статичные, эмоционально нейтральные понятия и суждения, а выражают классы понятий и суждений, в которых ядерные элементы, допускающие логическое определение, окрашены непризнанными динамическими и эмоциональными определителями»²⁶. Мы согласны с Э. Сепиром и считаем, что у слов, называющих и выражающих эмоции, денотативная и коннотативная области находятся рядом друг с другом. А вот что касается интенсивности отражения эмоций, то, по нашим наблюдениям, «выражение эмоций» сильнее «описания эмоций». Ведь *шатлык* ('радость') является эмоциональным состоянием, зафиксированным как название, и поэтому ей присуща некая статичность, а *шатлану* ('радоваться') является описанием эмоционального состояния человека в действии.

²² Senko K. Maynard. Linguistic Emotivity: Centrality of place, the topic-comment dynamic, and an ideology of pathos in Japanese discourse / Maynard K. Senko. – John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 24.

²³ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М.: Либроком, 2009. – 327 с.

²⁴ Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли; пер. с фр., вступ. ст. В. Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.

²⁵ Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Изд-во ФАН Узбекской ССР. – 1973. – С. 113–114.

²⁶ Сепир Э. Психология градуирования / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 71.

Начало изучения способов выражения эмоциональности в татарском языкознании связано с именами ученых Казанской лингвистической школы. Исследователь Бодуэн де Куртенэ в своих работах доказал, что сущность языка – в речевой деятельности²⁷. Таким образом, представители Казанской лингвистической школы одними из первых признали антропоцентрическую природу языка.

В §1.3. «*Терминологический аппарат эмоциональности*» рассматривается история развития теории эмоциональности в лингвистике. В работе отражение социально осознанной эмоции, направленное на выражение собственных чувств субъекта, называется эмотивностью. Реализация спонтанной эмоции с целью выражения чувств субъекта либо воздействия на адресата на лингвистическом уровне называется экспрессивностью. Эмоциональность в языке реализуется через эмотивную/экспрессивную функцию; единица, реализующая эмотивную/экспрессивную функцию называется эмотивом/экспрессивом. Одно и то же слово в зависимости от контекста, условий и характера речевого общения, а также экстралингвистических факторов может менять окраску и изменяться от позитивного значения до оскорбительного. Поэтому в татарском языке эмоциональные значения в одном контексте могут выступать эмотивами, а в другом – экспрессивами. Например, слово *хәчтерүш* в диалоге является экспрессивом, в описании – эмотивом.

В §1.4. «*Роль компонентов структуры семантики слова в выражении эмоциональности*» рассматривается семантическая природа эмотивности и экспрессивности. Макрокомпонентами значения слова являются денотат, сигнификат и коннотат. Основная нагрузка в выражении эмоциональности приходится на коннотат. В нашей работе коннотация рассматривается как часть лексического значения слова, как дополнительная информация по отношению к понятию²⁸.

В §1.5. «*Коннотация и ее возможности в выражении эмоциональности*» рассматриваются микрокомпоненты коннотации и их роль в выражении эмоциональности. «Эмотивность» и «экспрессивность» имеют общую точку соприкосновения на уровне коннотации. Микрокомпонентами коннотации являются образность, оценочность, эмоциональность, интенсивность, в различных комбинациях присутствующие в семантике эмотивного и экспрессивного слов.

Вторая глава диссертационной работы называется «**Семантические и лексические способы выражения эмоциональности в современной**

²⁷ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 71.

²⁸ Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 89.

татарской прозе». В §2.1. «Семантические способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе» рассматриваются семантические способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе: компоненты коннотации – оценочность, образность, эмоциональность участвуют в создании эмотивности; интенсивность, образность, эмоциональность участвуют в выражении экспрессивности.

Во §2.2. «Метафора как семантический способ выражения эмоциональности в современной татарской прозе» раскрывается семантический потенциал метафоры в выражении эмоциональности. Эмоциональный потенциал метафор анализируется по группам. 1. *Тел ‘язык’*: *Һәм ул, тел ачкычы биргән өчен Ходайга күңеленнән генә рәхмәт әйтеп давам итте* (И она поблагодарила Всевышнего за то, что Он дал ей в нужный момент дар речи)* (М. Кәбиров, 2013). *Телсез калдым* (От удивления я не мог вымолвить и слова) (Ә. Моталлапов, 2013). *Шуңа күрә тәмле телеңне, якты йөзеңне кызганма* (Поэтому не жалею доброго слова и радушия) (Ф. Садриев, 2011). Представленные в данных примерах метафоры сформированы на основе лексемы *тел*. Некоторые из них не имеют идентичного перевода. Так, метафоры *тел ачкычы*, *тәмле тел*, *телсез калу*, не имеют буквального перевода. 2. *Күңел ‘душа’*: *Кайнап торган елгага карагач, авылның язгы ташуда кодрәтле дәрҗәгә әверелгән, җәйләрен чыпчык тезеннән генә булган нәни инеше, әнкәсенең яшь, үзенең сабый чагы күзалдына килеп, кинәт кенә күңеле нечкәрдә* (Посмотрев на кипящую реку, она вдруг вспомнила ручеек, превращающийся в весеннее половодье в бурлящий поток, но очень мелкий летом, молодость мамы, свое детство и внезапно расчувствовалась) (А. Әхмәтҗалиева, 2014). *Күңелдән сары яфрак өзелеп төште* (С души сорвался осенний лист) (М. Галиев, 2011). *Синдә күңеле бар кебек аның, тәвәккәллә, улым...* (Она, кажется, к тебе равнодушна, будь смелым, сынок...) (Ф. Бәйрәмова, 2005) и др. *Күңел* в татарском языке ассоциируется с эмоциональным миром человека, *күңел* эмоционально реагирует на действия и события, связанные с человеком и совершаемые извне. 3. Зоонимы: *Эт кенә түгел иде болар. Муса бабасы әйтмешли, җәһәннәм сандугачлары* (Это были не просто собаки. Как говорит Муса бабай, это были соловьи преисподней) (А. Хәлим, 2003). В данном примере собаки именуются метафорой *җәһәннәм сандугачлары*. Исследуемая метафора является авторской, потому что передает индивидуальное именование собаки. В метафоре *җәһәннәм сандугачлары* лексема *җәһәннәм* имеет теологическое содержание и означает ад; семантика данного слова имеет крайнюю степень отрицательной оценочности. *Сандугачлар* – это птицы, с которыми ассоциируются приятные для человека

* Здесь и далее перевод наш.

понятия: молодость, любовь, красота, весна. Сочетание лексем *жәһәннәм* и *сандугачлар*, имеющих в своей семантике две противоположные оценочности, напоминает разновидность антонимов – оксюмороны, представляющие яркий пример аномальности в семантике. Данная аномальность становится предпосылкой возникновения эмоциональности у самобытной для татарского языка метафоры *жәһәннәм сандугачлары*. Однако метафоры, организующим ядром которых является лексема *сандугач* (*былбыл*), как правило, формируют метафоры с положительной эмоциональностью. Например: *Авылда аларның балаларыннан әдәпле, аларның балаларыннан укымышлы балалар юк иде. Һәм шушы гөл оясын, былбыл оясын туздырдылар да таишладылар* (В деревне не было воспитаннее, начитаннее детей, чем их дети. А они взяли и разорили это цветочное, соловьиное гнездо) (Ф. Бәйрәмова, 2005). В работе представлены также метафоры, образованные от зоонимов *арыслан* ‘лев’, эт ‘собака’, *мәче* ‘кот’, ‘кошка’. 4. Цветовое обозначение. Интересным является использование черного цвета в качестве метафоры. *Шул арада арттан, ак томан эченнән, Шайтан Шакирның карлыккан кара тавышы ишетелә* (В этот момент из белого тумана послышался охрипший черный голос Шайтан Шакира) (Ф. Бәйрәмова, 2005). В данном примере черный цвет выражает отрицательную эмоциональность. Черный цвет в редких случаях может выражать положительную эмоциональность. Например: *Аның битендә кара сипкелләр түгел, ә кара йолдызлар* (На ее лице не черные веснушки, а черные звезды) (М. Галиев, 2011). Здесь метафора *кара йолдызлар* используется для выражения эмоций восхищения, любви и уважения к девушке. 5. Специфичным для татарской прозы является использование метафор с лексемами, относящимися к области теологии: *жәन्नәт* ‘рай’, *тәмуг* ‘ад’, *жәһәннәм* ‘ад’, *хәләл* ‘разрешенное’, *бисмилла* ‘первые слова из священного Корана, с которыми начинается каждое действие верующего’, *бәрәкәт* ‘благодать, ниспосланная Богом’, *фарыз* ‘обязательство’).

В §2.3. «Метонимия как семантический способ выражения эмоциональности в современной татарской прозе» раскрывается эмоциональный потенциал метонимии. Синекдоха рассматривается как ее разновидность. Как правило, метонимия формируется за счет доминирования семы «интенсивность» и выражает раздражение словами либо действиями субъекта. Данное отношение передается через акцентирование внимания на части тела человека. Например: *Чернобыль афәте турында ишеткәнең юкмы әллә синең, пеләш баш?* (Лысая ты голова, слышал ли ты о чернобыльской трагедии?) (Ә. Салахов, 2002). Метонимия, не являющаяся эмоциональной в контексте также может стать эмоциональной (*Кара куртка, Кызыл күлмәк* и т.д.). Метонимии за счет компонента «образность» в своей семантике могут создавать картину эмоциональных состояний человека. Например: *Ирексездән авыз erylды. И-и, беркатлы юеш борын* (По неволе

рот расплылся в улыбке. Эй, наивный мокрый нос) (Н. Гыйматдинова, 2011). Здесь за счет участия образности и ее сочетания с интенсивностью в семантике лексем *авыз ерылды, юеш борын* создается эффект иронии и шутки.

В §2.4. «Роль синонимов в выражении эмоциональности в современной татарской прозе» раскрывается эмоциональный потенциал синонимов. Большинство синонимов, отражающих внутренний мир человека, сконцентрированы вокруг лексем *йөрәк, җан*. Например: *Син минем өчен һәрвакыт саф күңелле, тугры йөрәкле, саф җанлы кеше булдың* (Ты для меня всегда была человеком с незапятнанной душой, с верным сердцем) (Г. Гыйльманов, 2005) и др. Синонимы *күңел, җан, йөрәк* олицетворяют отличный от других народов способ отражения и выражения чувств представителя татарского этноса. На русский язык данные лексемы переводятся единым словом 'душа'.

В §2.5. «Внутренний потенциал антонимов в выражении эмоциональности в современной татарской прозе» раскрывается потенциал антонимов в выражении эмоциональности в современной татарской прозе. Он предопределен такими их свойствами, как контрастность, семантическая асимметричность и аномальность. Языковые антонимы создают контрастность на одной семантической плоскости, но они могут быть свойственны культурной среде одного языка и непереводаемы на другие языки. Например: *Мин пычранмадым, мин чиста, – диде Зөлфия, карышып. ... – Дога ару тәнгә генә килешер! Тәһарәтсез син!* (Я не запачкалась, чистая я, – сопротивлялась Зульфия. ... – Молитва принесет пользу только чистому телу! У тебя нет ритуального омовения!) (Н. Гыйматдинова, 2011). Лексема *тәһарәтле* означает наличие ритуального омовения, его отсутствие именуется *тәһарәтсез*. Наличие ритуального омовения оценивается как «хорошо» и порождает положительную оценочность и эмоциональность. Соответственно, отсутствие ритуального омовения способствует возникновению отрицательной оценочности и эмоциональности. Окаzionaliальные антонимы также обладают эмоциональным потенциалом. Например: *Күңел буа кебек тулган, суын ерып агызыр өчен алыплар көче дә җитмәс иде, ә ул ябык, кәтүк кебек карчыкка сыена, аңардан ярдәм өметләнә* (Душа наполнена как плотина, не хватило бы и силы великанов, чтобы ее преодолеть, а она ищет защиты у худой, маленькой как фитюлька старушки, надеется на ее помощь) (Н. Гыйматдинова, 2011). Эмоциональность представленной в данном примереokkazionaliальной антонимической пары *алыплар көче-ябык, кәтүк кебек карчык* формируется за счет сем образности и интенсивности. Образ *алып* понятен лишь для представителя тюркской культуры. Чтобы понять данный антоним, носителям других культур надо получить информацию о мифах и легендах, формирующих культурный пласт татарского языка. *Алып* – это мифический

дедушка, богатырь татарского народа необыкновенной высоты²⁹. Сопоставительное сравнение сил маленькой старушки и большого богатыря является показателем больших духовных сил бабушки и порождает положительную эмоциональность. В параграфе рассматривается также эмоциональный потенциал оксюморонов (*ирекле зиндан, татлы һәм газаплы, газаплы рәхәтлек* и др.).

В §2.6. «Лексические способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе» рассматриваются идиомы (§2.6.1.), характерные для татарской культуры. Например: «**Алты яшьлек читтән кайтса, алтмыш яшьлек күрә килер**», – *ди*. (Он сказал: «Если шестилетний возвращается с чужбины, шестидесятилетний приходит, чтобы увидиться с ним») (В. Имамов, 2012). Данная идиома отражает татарский национальный обычай с уважением и почетом встречать человека, вернувшегося с чужбины домой. Эмоциональность идиомы образуется за счет семы интенсивности, выраженной возрастным противопоставлением *алты яшьлек – алтмыш яшьлек*. Основным стержнем татарской культуры является традиция уважать старших. В данной татарской идиоме наблюдается обратное – старший оказывает честь младшему. В идиоме формируется положительная эмоциональность по отношению к старшему поколению, снизошедшему, приветствовать младшего по возрасту.

В современной татарской прозе сложился ряд идиом с теологическими понятиями *хәләл-харам, сират күпере* и др. В соответствии с религией ислам в татарской прозе отражены нормы поведения, отражающие гендерные различия людей. В татарской культурной среде показателем благовоспитанности девушки является скромность, это отразилось в идиоме *әдәпле кыз – сәдәпле*. Например: **Әдәпле кыз сәдәпле**, *ди халык. Халатының ак төймәләре чишелгән иде* (В народе говорят, что у воспитанной девушки – застегнутое платье. Пуговицы на ее халате были расстегнуты) (Т. Галиуллин, 2005). Лексема *сәдәпле* в данном примере равносильна понятию *хәләл*, т. е. добру, *төймәләренең чишелгән булуы (сәдәпсез булу)* равносильно понятию *харам*, т. е. злу. Таким образом, словосочетание *сәдәпле кыз* вызывает чувство уважения, симпатии к татарской девушке и формирует положительную эмоциональность. Расстегнутый халат девушки свидетельствует о легкомысленности и порождает отрицательную эмоциональность. В отличие от нее идиома *су сәлеге кебек* используется как по отношению к мужчине, так и к женщине. Специфичной и присущей лишь современной татарской прозе является идиома *күңел күзе* ‘глаза души’. Например: *Иң мөһиме – кешенең күңел күзе сукыр булмасын, барына*

²⁹ Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 т. / Ф. И. Урманче – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – Т.1. – Б. 96–97.

шөкрәна итә белсен (Самое главное – чтобы душа человека была зрячей, чтобы человек был благодарным) (Ф. Бәйрәмова, 2005). *Күңел күзкәйләремне ачтың, Ходаем, инде моннан соң рәхмәтеңнән ташилама* (Ты открыл, Боженька, глаза моей души и с этих пор не покидай, пожалуйста, меня) (А. Әхмәтгалиева, 2011). В современной татарской прозе человеческая способность видеть не столько глазами, а душой оценивается как положительное явление, и эта идиома порождает положительную эмоциональность.

В §2.6.2. «Диалектизмы как лексический способ выражения эмоциональности в современной татарской прозе» рассматривается эмоциональный потенциал территориальных и социальных диалектизмов. Используя территориальные диалектизмы, автор воспитывает в читателе эстетическое восприятие произведения, связанное с определенной местностью, способствующее возникновению эмоциональности. Например: *Михаил кинәт үзенең чәүчәләкләнүен аңлап туктап калды* (Михаил вдруг осознал, что он беспокоится впустую и остановился) (М. Кәбирова, 2013) и др. Другой разновидностью диалектов являются социолекты. Социолекты звучат одинаково эмоционально из уст представителей как асоциальных слоев, так и добропорядочных граждан и чаще порождают отрицательную эмоциональность. Например: *Тәрәзәләрен томаларга! – диде Вышка. Ул арада Рашатның күзләрен кара тасма белән каплады* (Закрывать окна! – сказал Вышка. В этот миг глаза Рашата завязали черной лентой) (Ф. Садриев, 2011) и др. Рассматриваются варваризмы, относящиеся к заимствованной лексике. Например: *Иртәгә сәгать тугызга машина белән килсәгез, бар да окей булыр. Гуд бай!* (Если завтра вы приедете к девяти на машине, все будет окей. Гуд бай!) (М. Маликова, 2001). Эмоциональная тональность варваризмов отличается в зависимости от контекста.

В §2.6.3. «Разговорная лексика как лексический способ выражения эмоциональности в современной татарской прозе» раскрывается эмоциональный потенциал разговорной лексики, которая подразделяется на бытовую лексику и просторечия. Бытовая лексика включает в свой состав слова повседневного обихода, общеупотребительную лексику. Например: *Каян килгән пыркарур, тыкшырма, яме. Отпускың үтүт, тай Чаллыңа* (Откуда взялся этот прокурор, не лезь, ладно. Отпуск твой закончился, убирайся к себе в Челны) (Н. Гыйматдинова, 2010) и т. д. В группу просторечных слов входят заимствования, пришедшие в татарский язык с фонетическими изменениями, семантически переосмысленные слова, вульгаризмы. Например: *Гөрбияннарға гөрбиян, көләчләргә көләч без* (Грубиянам мы по-грубому, дружелюбным – по-дружелюбному) (Ф. Садриев, 2011). *Бар, хәзер үк Алтаф янына ычкын* (Сейчас же иди к Алтафу) (Ә. Моталлапов, 2014). Характерными для татарских вульгаризмов являются компоненты «калдык», «актык», «кисәк» (*малай актыгы, адәм актыклары*,

ир кисәге, мулла калдыгы) и «пычагым» (*ни пычагыма, пычагым*). Например: *Житмәсә, ир кисәге, «эчәлмисең, эчсәң үләсең» дип, каршында үртәп тора, жан көеге...* (Мало того, этот несчастный, горе мое говорит, «не сможешь выпить, а если выпьешь, то умрешь») (А. Әхмәтгалиева, 2014). Однако обращения к младшим по возрасту лицам мужского пола с компонентом «калдык» могут также выражают положительную эмоциональность. Например: *Телең ачылып китте әле, малай актыгы* (Языкастым стал, парень) (Т. Галиуллин, 2008).

В §2.6.4. «Лексическое содержание междометий в выражении эмоциональности в современной татарской прозе» на основе примеров показывается эмоциональный потенциал междометий. Междометия лишены денотативного значения. По причине сосредоточенности полного смысла слов, принадлежащих к данной части речи, на уровне коннотации они обладают большим потенциалом в выражении эмоциональности. Одно и то же междометие может иметь различную эмоциональную окраску в разных контекстах. Например: *Шайтан алгыры! Бу юлы чынлап та үзе буталган шул! Карале малай* (Черт побери! В этот раз она сама перепутала, оказывается! Вот дела!) (М. Кәбирова, 2013). *Юк, бетми шул, бетми, шайтан алгыры* (Нет, не кончается, не кончается, черт бы побрал) (Ә. Баянов, 2003). В первом примере междометие *шайтан алгыры* выражает радостное удивление, возникшее от неожиданности, а во втором примере то же самое междометие выражает отчаяние. В структуре междометий, выражающих удивление, могут присутствовать упоминание Бога (*валлаһи, билләһи*), лексика, граничащая с ругательством (*әнәңнең...бәрәңге тәкәсе*), бессмысленный набор рифмующихся слов (*бәрәч-пәрәмәч*), упоминание лучшего (*шайтан алгыры*). Подобное наблюдается в структуре междометий, выражающих досаду (*менәтерәк, тфү, әй Аллаһ, ни галәмәт* и т. д.). Междометия, выражающие страх, как правило, образуются от упоминания Бога (*әстәгъфирулла, тәүбә, Алла сакласын*), выражающие гнев – от упоминания черта (*каһәр суккан нәрсә* и т. д.).

Третья глава - «Словообразовательные и грамматические средства выражения эмоциональности в современной татарской прозе» состоит из трех параграфов. Рассматривается эмоциональный потенциал продуктивных и выражающих эмоциональность словообразовательных аффиксов существительных. 1. Словообразовательный аффикс *-чы/-че*, присоединяясь к разным словам, образует окказиональный синонимический ряд с точки зрения выражения отрицательной оценочности. Например: *Бу вакытта инде СССР таркалуга да өч ел вакыт үткән, яңа җәмгыять – җинаятьчеләр, алдакчылар, ришвәтчеләр, эчкечеләр, наркоманнар, уйнашчылар җәмгыяте туып килә иде* (В это время распада СССР уже исполнялось три года и зарождалось новое общество – общество преступников, лжецов, взяточников, алкоголиков, наркоманов и проституток) (Х. Ширмән, 2012). В

примере описание нового общества сопровождается словом «профессия» и выражает порицательное отношение автора к данным историческим событиям. Таким способом в примере рождается отрицательная эмоциональность. 2. Словообразовательный аффикс *-чык/-чек* несет в себе значение уменьшения, а также ласкательности и презрительности, пренебрежения. Например: *Бер мазак булсын эле, минәйтәм. Ышанган бит, чукынчык* (Я думаю, дай-ка, пошучу. А она, чертовка, поверила) (М. Галиев, 2011). В примере при помощи аффикса *-чык/-чек* выражается иронично-шутливое отношение субъекта к объекту речи, которое формирует положительную эмоциональность.

Далее рассматриваются аффиксы глаголов и выявляется их эмоциональный потенциал. 1. Эмоциональный потенциал аффикса *-ла/-лә* выражается при присоединении к зоонимам и их использовании в переносном значении. Например: *Егетләр белән буталмыйсың! Миңа кияүгә чыгасың! – дип этләгән чаклары да аз булмады* (Не один раз он ругался: «Я запрещаю тебе гулять с парнями! Ты выйдешь замуж только за меня!») (М. Кәбиров, 2013). Глагол *этлә*, образованный от аффикса *-ла/-лә*, не имеет буквального перевода, хотя буквально мог бы быть переведен как ‘собачить’. Однако такого глагола в русском языке нет, поэтому данный глагол мы переводим как ‘сильно ругать’. Глагол *этлә*, образованный путем присоединения глаголообразующего аффикса *-ла/-лә* к существительному *эт*, порождает отрицательную эмоциональность и др. 2. Аффикс *-лан/-лән*, присоединяясь к существительным, обозначающим лицо или животное, образует глаголы со значением «совершить действие, свойственное лицу или животному, выраженному производящей основой»³⁰. Например: *Мәрданша, ник әсәңдәсең инле тагын?* (Марданша, почему ты снова бесишься?) (З. Хәким, 1997). Словообразовательные аффиксы *-лан/-лән*, присоединяясь к названиям цветов, начинают выражать сильную эмоциональную реакцию человека на внешние раздражители в виде слов, упреков и т. д. других людей. Например: *Комендантның йөзе шәмәхәләнеп чыкты* (Лицо коменданта стало фиолетовым) (Ф. Бәйрәмова, 2000). 3. Аффикс *-лаш/-ләш* присоединяется к именным основам, и эти основы он обращает в глагол с лексическим значением превращения, развития или названия действия. Аффикс обладает потенциалом формировать из эмоционально-нейтральной лексемы лексему, выражающую эмоциональность. Например: *Ярый, Шәвәлиевкә кәнәфиен сакларга кирәк. Ул ялагайлансын да, алдашсын да, этләшсен дә* (Ладно, Шавалиеву надо сохранить свое рабочее кресло. Он может и подхалимничать, обманывать и вести себя по-скотски) (Ф. Садриев,

³⁰ Ганиев Ф. А. Словообразование в татарском языке / Ф. А. Ганиев. –Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2010. – С. 258.

2011). В примере аффикс означает «действовать так, как это свойственно лицу или животному» и порождает отрицательную эмоциональность. 4. Посредством словообразовательного аффикса глаголов *-ылда/-елда* в современной татарской прозе образуются звукоподражательные слова. Например: *Гажәпләндән аһылдап куйганымны да сизмәгәнмен* (Я даже не заметил как ахнул от удивления) (Х. Ширмән, 2012). *Нәрсә такылдыйсың син?* (Ты чего тарахтишь?) (З. Хәким, 1997). Глаголы *аһылда*, *такылда* выражают эмоциональность, потому что показывают различные способы выражения эмоций непосредственно через вздохи, смех, образ человеческого способа доносить информацию. 5. Аффикс *-да/-дә (-та/-тә)*, присоединяясь к звукоподражательным словам, образует глаголы со значением «производить те звуки или совершать действие с изданием тех звуков, которые выражены производящей основой». Присоединяясь к образоподражательным словам, он образует глаголы со значением «проявлять тот образ, который назван производящей основой». Например: *Кирәк түгел миңа алтын, – дип мыгырданды Мәрданша* (Не нужно мне золото, – пробубнил Марданша) (З. Хәким, 1997). В данном примере представлен звукоподражательный глагол *мыгырда*, образованный посредством словообразовательного аффикса *-да/-дә*.

Далее рассматривается эмоциональный потенциал словообразовательных аффиксов прилагательных. 1. Посредством аффикса *-лы/-ле*, как правило, образуются слова с положительной эмоциональностью. Например: *Юк! Жылы җанлы, чиста күңелле, көчле һәм якты мәхәббәт иясе генә сәю хакына шулкадәр алтыннан баш тартыр!* (Нет! Только человек с теплой душой, чистосердечный, человек с сильной и светлой любовью может отказаться от такого количества золота!) (З. Хәким, 1997). В выделенных словах *җылы җанлы, чиста күңелле, көчле* аффикс *-лы/-ле* формирует положительную эмоциональность. 2. Аффикс *-сыз/-сез*, присоединяясь к словам, как правило, начинает выражать отрицательную эмоциональность. Например: *Бәхетсез, шатлыксыз бай тормыш кичерде ул* (Он прожил богатую, но несчастную, безрадостную жизнь) (Ә. Моталлапов, 2013). В словах *бәхетсез, шатлыксыз* выражена отрицательная эмоциональность. Аффикс *-сыз/-сез* может выражать и положительную эмоциональность. Например: *Мондый риясыз ачыклыкка өйрәнмәгән Сәгыйрь тамам югалып калды* (Сагир, непривыкший к такой бескорыстной открытости, вовсе растерялся) (Т. Галиуллин, 2008) и др. Слова от одной основы, к которым присоединяются аффиксы *-лы/-ле*, *-сыз/-сез*, могут применяться в одном контексте. Например: *Чөнки ул гаепсез гаепле, кичерү сорый алмый, кичерә генә ала, анда да теш кысып, ир горурлыгын җиңеп кенә...* (Потому что он без вины виноватый, не может попросить прощения, он может только простить, и то только сквозь зубы, переступив свою мужскую гордость...) (Н. Гыйматдинова, 2010). 3. Аффикс *-чыл/-чел*.

Например: *Соня, син бик кунакчыл кыз икәнсең, йөзең якты, телең тәмле, – диде* (Соня, ты, оказывается, очень гостеприимная девушка, твое лицо – светлое, а речи – сладки) (Ф. Садриев, 2011). В примере прилагательное *кунакчыл* передает положительные эмоции одного из субъектов другому, и здесь аффикс *-чыл/-чел* порождает положительную эмоциональность. *Бу Ильясова да бик вакчыл булып чыкты* (Эта Ильясова тоже оказалась мелочной) (М. Маликова, 2007). В данном примере, аффикс *-чыл*, присоединяясь к прилагательному *вак* ‘мелкий’, начинает характеризовать человека, и тем самым прилагательное *вакчыл* ‘мелочный’ начинает выражать отрицательную эмоциональность. 4. Аффикс *-чык/-чек*. Например: *Шунда гына кызый, Сәет ягына борылып, уң кулын утыргыч артына куйган «бәйләнчек» абыйга күз салды* (Только тогда девонька повернулась в сторону Саита и бросила взгляд на мужчину-«приставалу», раскинувшего правую руку на сиденье) (Т. Галиуллин, 2005). В примере слово *бәйләнчек* используется для описания назойливого человека. Однако эта характеристика носит шуточный характер, поскольку данное слово дается в кавычках. Поэтому слово *бәйләнчек* порождает положительную эмоциональность и др.

Далее раскрывается эмоциональный потенциал словообразовательных аффиксов наречий. 1. Аффикс *-ча/-чә* имеет значение «так, как это свойственно тому, что названо производящей основой». Например: *Әйдә инде, улым, исәнләш егетләрчә итеп, диде Мэлс* (Давай-ка, сынок, поздоровайся по-молодецки, – сказал Мэлс) (Ф. Садриев, 2011). В примере наречие *егетләрчә* выражает положительную эмоциональность и др. 2. Аффикс *-дай/-дәй* может присоединяться практически к любым частям речи, образуя наречия, и выражать значение «наподобие значения слова, выраженного основой». Например: *Бу куркәм гөлчәчәк, күктән төшкән алиһәдәй бу зат аныкы бит!* (Этот красивый цветок, это создание, словно спустившееся с неба божество, принадлежит ему!) (Ф. Садриев, 2011). В примере образное сравнение *алиһәдәй* реализуется посредством формообразующего аффикса *-дай*. Сопоставление женской красоты с красотой божественной порождает положительную эмоциональность. 3. Наречие, образованное синтаксическим способом – посредством повтора, становится носителем эмоциональности при повторе звукоподражательных слов. Например: *А как же! Мин чыкмый калсам, дөньяның чите кителә, – диде кыз, кет-кет көлеп* (А как же! Если я не выйду, значит красный снег выпадет, – прохихикала девушка) (Ә. Моталлапов, 2014).

В §3.2. «Грамматические способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе» рассматриваются грамматические категории существительного, глагола, прилагательного, наречия и выявляется их эмоциональный потенциал. Эмоциональность создают следующие категории существительных: 1. Категория числа. Большинство существительных в татарском языке либо не имеет множественного числа, либо, используя в

значении множества, изменяет первоначальное значение имени существительного³¹. Отсюда мы можем предположить, что имя существительное во множественном числе, изменяя свое первоначальное значение, может приобрести эмоциональное значение. Например: *Ул бер нәрсәне яхшы белә: андый әсәр тудыру өчен яңа **фикерләр**, кайнар **тойгылар**, зур рухи **омтылышлар** кирәк* (Он знает одно: для того, чтобы написать такое произведение, нужны новые мысли, страстные чувства и сильные духовные стремления) (Ф. Садриев, 2011). В данном примере грамматический аффикс *-лар/-ләр*, присоединяясь к существительному с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-кай/-кәй*, увеличивает значение ласкательности и сочувствия данного аффикса.

2. Категория принадлежности. В работе рассмотрены аффиксы категории принадлежности в I лице единственного числа, показателями которого является аффикс *-ым/-ем/-м*. Посредством данной категории обычно всегда выражается положительная эмоциональность. Например: 1. *Үзе кем икәннен дә белми! Андыйлар гел очрамый, **үскәнем*** (Сама не знает кто ей нужен! Такие встречаются нечасто, милая) (Х. Ширмән, 2009). Здесь эмоционально нейтральное слово *үскән*, приобретая аффикс принадлежности *-ым/-ем/-м*, начинает выражать положительную эмоциональность. В работе сгруппированы эмоциональные слова, с аффиксом *-ым/-ем/-м*. Слова–обращения, адресованные родителям (*әтием, энием*), являются уникальными и могут быть адресованы только родителям. Однако слова–обращения *кызым, энем, балам, улым* являются универсальными и используются также для обращения к другим людям, не относящимся к родственникам. Глубина эмоциональных переживаний увеличивается также за счет уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай/-кәй* (*әнкәем, улыкаем*). Универсальными словами–обращениями являются *бичара, кабәм, дустым, җаным, кадерлем, мескен, малай, бахыр* и т. д. Например: *Менә атагыз Сафиулла белән ашлык сугарга барырмын дигән идем, берүзе генә китте, **бахырым*** (С вашим отцом Сафиуллой собиралась пойти молотить хлеб, один ушел, мой бедняжка) (А. Әхмәтгалиева, 2011). Специфичное для татарской культуры обращение формирует слово *бахыр* ‘бедняжка’. Слово имеет положительную эмоциональную окраску, однако аффикс принадлежности *-ым/-ем/-м*, присоединяясь к данному слову, увеличивает диапазон эмоциональной палитры и оно становится более эмоциональным. Гендерная особенность проявляется в обращении *малай*, которое женщины обычно используют его по отношению к другим женщинам. Мужчины также, используя данное слово, обращаются к другим мужчинам, а не женщинам. Аффикс

³¹ Татар грамматикасы / баш ред. проф. М. З. Зәкиев. – М.: «ИНСАН»; Казань: «ФИКЕР», 2002. – Т. 2. – Б. 34.

принадлежности *-ым/-ем/-м* присоединяется к словам, выражающим отрицательную эмоциональность. Например: *Беләм мин үземнең хәчтерүшемне. Ирләр ялганлый беләмәни* (Я знаю своего дурачка. Разве мужчины умеют лгать) (Т. Галиуллин, 2008). Слово *хәчтерүш* выражает отрицательную эмоциональность. Аффикс принадлежности *-ым/-ем/-м* в структуре наделяет его значением притяжения, и слово получает положительную эмоциональность. Аффикс принадлежности *-ым/-ем/-м* может присоединяться к зоонимам. Например: *Соң, мин берсенә дә каршы түгел, күгәрченем* (Так я ведь не имею возражений, мой голубчик) (Т. Галиуллин, 2008). В таком случае зооним начинает соотноситься с человеком. Зоонимы с аффиксом принадлежности выражают симпатию субъекта речи к реципиенту и формируют положительную эмоциональность.

Рассмотрен эмоциональный потенциал грамматических аффиксов глаголов. Доказано, что залоги глагола – возвратный (*шашу-шашыну, агару-агарыну* и т. д.), понудительный (*көрәшү-көрәштерү, кәлдәү-кәлдәртү* и т. д.), взаимно-совместный (*гәҗелдәү-гәҗелдәшү, мырылдау-мырылдашү*) и категории повеления выражают эмоциональность. Например: *Ычкын моннан яхшы чакта!* (Дуй отсюда, пока не поздно!) (З. Хәким, 1997). *Китчәле, Шәмсурттәй, син дә сөйләп торма инде* (Брось тетя Шамсенур, и ты туда же) (А. Әхмәтгалиева, 2011). Представленная в данных примерах категоричная и мягкая формы повеления передают различные эмоции адресанта в момент речи и формируют отрицательную и положительную эмоциональность.

Рассматриваются степени сравнения прилагательных как способа выражения эмоциональности. Например: *Комендант хатынның кире генә, усал гына кызы да бар иде* (У коменданта была своенравная, злая дочь) (Ф. Бәйрәмова, 2000). Данная характеристика девушки звучит из уст матери и порождает отрицательную эмоциональность. *Йөрәген җылкетеп, еракта калган җәйге төн, кире, усал татар кызы, аның онытылып кочагында бәргәләнгән – барысы исенә төште* (Оставшаяся вдалеке летняя ночь, заставляющая трепетать сердце, своенравная, злая татарка, ее трепыхания в его объятиях, позабыв обо всем мире, – все это воскресло в его памяти) (Ф. Бәйрәмова, 2000). Во втором примере те же качества девушки (*кире, усал*) другим персонажем – мужчиной – оцениваются в положительном плане и порождают положительную эмоциональность. Сравнительная степень показывает большую степень выраженности какого-либо признака, представленного в положительной степени сравнения. Грамматическими показателями сравнительной степени имени прилагательного является аффикс *-рак/-рәк*. Например: *Уятсаң ачуын, ул икеләтә чибәррәк күренәчәк, каршы килгән шоферларның күзен чагылдырмыйк* (Если ее разозлить, она будет казаться еще красивее, поэтому не надо ругаться возле шофера) (М. Галиев, 2011). Аффиксы в сравнительной степени прилагательного могут

также выражать противоположность интенсивности – экстенсивность признака: *күңелсезрәк хал, сәеррәк кеше* и т. д. Например: *Рәшидә аптырабрак калды* (Рашида немного растерялась) (Ф. Бәйрәмова, 2000). В данном примере аффикс *-рак/-рәк* выражает растерянность человека, т. е. отрицательную эмоциональность. В предложении *Әмма барысыннан да рәхәтрәге, барысыннан да ләззәтләргә – иреңнең арка жылысын тою* (Но самое приятное, самое сладостное – это чувствовать тепло спины мужа) прилагательные *барысыннан да рәхәтрәге, барысыннан да ләззәтләргә* использованы в превосходной степени, и здесь положительная эмоциональность формируется словом *барысыннан* и аффиксом *-рак/-рәк*.

Прилагательные и существительные с несовместимыми понятиями могут сочетаться и порождать эмоциональность. Например: *Иртәдән «Игелек» хужасын мәгънәсез, тәмсез, тозсыз уйлар борчий* (С самого утра хозяина фирмы «Игелек» беспокоят бессмысленные, безвкусные, пресные мысли) (Т. Галиуллин, 2005). В данном примере наряду со словом *уйлар* используются прилагательные *тәмсез, тозсыз*, которые логично было бы использовать для характеристики предметов по вкусу. Поэтому сочетание лексем в словосочетании *тәмсез, тозсыз уйлар* является алогичным и порождает в данном случае отрицательную эмоциональность.

Основной характеристикой определительных наречий является субъективность человеческой оценки. Определительные наречия дают качественную и количественную характеристику действиям и признакам и поэтому бывают двух видов. 1. Наречия образа действия выражают качество, образ и способ действия. По причине наличия в их семантике микрокомпонентов «образность» (*бәйрәмчә, сәлектәй*), и «интенсивность» (*тиз, әкрән*), большинство наречий данной группы выражают эмоциональность. Например: *Сәләйманның кинәт яшизе килми башлады* (Сулейману внезапно расхотелось жить) (З. Хәким, 1997). В данном примере наречие *кинәт* используется для передачи меры эмоционального потрясения человека, такой меры, что ему расхотелось жить. Отсюда следует, что наречие *кинәт* передает здесь всю глубину переживаемых человеком отрицательных эмоций и порождает отрицательную эмоциональность. Эмоциональным потенциалом обладают такие наречия образа действия как *ашык-пошык* ‘наспех’, *бәйрәмчә* ‘по-праздничному’, *егетләрчә* ‘по-молодецки’ и др. 2. Наречия меры и степени обозначают определенное и неопределенное количество, а также меру и степень действия и признака. В их семантике доминирует микрокомпонент «интенсивность» (*бик*) и «оценочность» (*бөтенләй, шактый*) и поэтому большинство данной группы наречий также выражает эмоциональность. Например: *Гөлсинә керфек төпләренә яш бәрәп чыкканчы рәхәтләнеп көлдә, Мансур каш астыннан гына елмаеп утырды, Ибраһим исә, хатынының хикәятен бөтенләй ишетмәгәндәй, бик бирелеп тавык боты кимерде* (После рассказа Гүльсина

смеялась до слез, Мансур сидел и улыбался себе под нос, а Ибрагим будто и не слышал рассказа жены, сидел и с большим усердием грыз окорок курицы) (А. Әхмәтҗалиева, 2014). Представленные в данном примере наречия *бөтенләй* и *бик* характеризуют меру и степень выполняемых действий в значении 'в полной мере', 'с самоотдачей', которая отличается от обычной меры и степени. Эмоциональным потенциалом обладают наречия меры и степени *шактый* 'довольно', *искиткеч* 'прекрасно', *бөтенләй* 'совсем' и др. Обстоятельственные наречия выражают различные обстоятельства осуществления действия – место, время, причину, цель действия. По нашим наблюдениям, из обстоятельственных наречий эмоциональность выражают наречия причины и цели, поскольку на основе их характеристики лежит субъективный фактор: *юри* 'нарочно', *юкка*, *бушка*, *эрамга*, *тиккә*, *заяга*, *тикмәгә*, *тиктомалга* 'зря' и др. Например: *Тикмәгә генә түгел бу; ике карчык кыяфәтенә кереп йөргән җәен-албастылар хакында сүзләр мари авылларында күптән йөри бит* (Это ведь не зря; в марийских деревнях уже давно ходят слухи о демонах, в обличье двух старушек) (Г. Гыйльманов, 2003).

В §3.3. «Выражение эмоциональности синтаксическим способом в современной татарской прозе» рассматриваются разновидности повествовательного, вопросительного, повелительного, побудительного предложений и их потенциал в выражении эмоциональности.

В повествовательном предложении эмоциональность выражается через описание, например: *Гомергә чорсыз булды шушы Фәгыйлә, исәнлек-саулык сорашмас, теленә килгән беренче сүзен тәгәрәтәп төшерергә ашыгыр* (Фагиля всегда была бестактной, не поздороваается, не подумав скажет первое слово, пришедшее ей на ум) (А. Әхмәтҗалиева, 2011). В данном предложении сообщается о чувстве досады героини и неприятия ею соседки и формируется отрицательная эмоциональность.

В вопросительном предложении говорящий задает вопрос в большинстве случаев собеседнику и реже самому себе. В данной форме предложения эмоциональность выражается через вопросительный тон, вопросительную частицу *-мыни/-мени*, а также через частицы *–мы/-ме*, *-мыни/-мени*, сочетающуюся со словами *икән*, *соң*, *әллә* и отсутствие категоричной необходимости отвечать на вопросы. Например: *Байлык өчен, кием-салым, акча, мал өчен кешеләр бер-берсен үтермиләрмени?* (Разве люди не убивают друг друга ради богатства, одежды, денег и материальных ценностей?) (З. Хәким, 1997). Отсутствие необходимости получить ответ от второго лица в данном вопросе рождает некий эмоционально заряженный вакуум, который нельзя никуда выпустить. Отсюда возникает эмоциональная напряженность субъекта. Поэтому вопросительное предложение в татарской прозе преимущественно порождает отрицательную эмоциональность.

В побудительном предложении эмоциональность может формироваться за счет сказуемого, выраженного глаголом 2 л. повелительного наклонения. Например: *Житте. Теленә салынма* (Хватит. Разболтался) (Т. Галиуллин, 2008). Такая форма побудительного предложения означает преимущество одного субъекта над другим. В данном побудительном предложении выражается раздражение реципиента и формируется отрицательная эмоциональность. Эмоциональность в побудительном предложении может формироваться за счет сказуемого, выраженного глаголом 1 л. мн. ч., глаголом в 1 л. ед. ч. повелит. накл.

Эмоциональность в восклицательных предложениях выражается вопросительной частицей *мы* плюс *соң*, глаголом на *-сы/-се* плюс иде, *-са/-сә* плюс иде, *-са/-сә* плюс *чы*, а также может быть выражена вопросительными местоимениями *ничек* 'как' и др. Повторы также выступают как средство усиления восклицательности. Например: *Ә шул ыгы-зыгылы тормышында менә бүгенгедәй сагыш белән карап торган күзләр булдымы соң аңа?! Нәрсә озата килә аны ап-ак картлыгына? Ни жылытыр, нинди хатирәләр утка салыр аны жиде төн урталарында?* (А в этой суетной жизни были ли такие же глаза, смотрящие на него с грустью и печалью как сегодня? Что провожает его в белую старость? Что согреет его, какие воспоминания заставят гореть его среди ночи?) (Ф. Бәйрәмова, 2000). В этом восклицательном предложении передаются переживания и внутренние мучения говорящего лица. Поэтому такого рода переживания формируют отрицательную эмоциональность и вызывают идентичную эмоциональность у читателя. В предложении *Их, аккан суларны кирегә борып булса икән!* (Ах, если бы повернуть время вспять!) (Н. Гыйматдинова, 2010) передаются эмоции сожаления и печали героя о безвозвратно ушедшем времени и совершенных ошибках. Поэтому данное восклицательное предложение также передает отрицательную эмоциональность.

В заключении представлены основные **выводы** исследования:

1. Эмоциональность современной татарской прозы наиболее ярко выявляется через живописность, мастерство языка татарских писателей и их способность в прозе отражать глубину эмоционального мира представителей татарского этноса.
2. Эмоциональность, которая представляет выражение адресатом и адресантом, или обоими одновременно, эмоций и их отражение на письме или в речи, может быть реализована в одной из двух ее разновидностей – эмотивности или экспрессивности.
3. Важную роль в определении эмоциональности играют компоненты значения слова, а именно компоненты коннотации – «образность», «оценочность», «эмоциональность», «интенсивность», в различных комбинациях порождающие эмотивность либо экспрессивность. Отдельные составляющие коннотации могут не создавать эмотивности и экспрессивности.

4. Специфичность эмоциональности в современной татарской прозе формируют факторы, определяющие индивидуальный путь развития татарского народа (история, традиции, культура).
5. Наиболее ярко эмоциональность выражается через словообразовательные и грамматические способы. Мы выявили, что словообразовательные аффиксы обладают потенциалом создания образности, которая затем приводит в действие другие компоненты семантики на уровне коннотации и выступает предвестником их эмоциональности. Это аффикс прилагательных *-лы/-ле* (*майлы, шомлы*, и т. д.), образность которых реализуется в контексте, а также аффикс *-сыз/-сез*, которые формируют образ отсутствия чего-либо (*бәхетсез, шатлыксыз* и т. д.), аффиксы наречий *-ча/-чә, -дай/-дәй* формируют образ совершаемых человеком действий и реализуемых им состояний (*балаларча, егетләрчә, күгәрчендәй, алиһәдәй*, и т. д.). В создании образности словообразовательных средств большая роль принадлежит звуко- и образоподрожательным словам (*лап-лап, медер-медер, кет-кет, иһаһайла, кеткелдә* и т. д.). Грамматические категории, обладающие образностью, в сочетании с другими компонентами коннотации также способствуют порождению эмоциональности: это залого глагола – возвратный залог (*шашыну, агарыну* и т. д.), понудительный залог (*чукундыру, көлдерту* и т. д.), взаимно-совместный залог (*тилерешү, сулыкдашу* и т. д.), грамматические аффиксы прилагательных *-чыл/-чел* (*сакчыл, вакчыл, хыянәтчел* и т. д.), *-чык/-чек* (*бәйләнчек* и т. д.); наречия признака (*бәйрәмчә, тиз* и т. д.). Анализ показал, что грамматические категории, выражающие интенсивность, также способствуют порождению эмоциональности. Это категория числа существительных (*йөрәккәйләр, башкайлар* и т. д.); степени сравнения прилагательных *-рак/-рәк* (*кырысрак, сабыррак* и т. д.), *иң, бик* (*иң яхшы, бик матур, ап-ак* и т. д.); и наречий (*тизрәк, әкрәнрәк* и т. д.); *бик, иң* (*бик тиз* и т. д.); наречия меры (*шактый, бөтенләй* и т. д.).
6. Синтаксические способы выражения эмоциональности передаются через повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные предложения, реализующиеся через внешнюю форму и внутреннюю семантику.

Татарский язык имеет свою уникальную историю и собственный путь, на протяжении которого в языке сложились свои традиции и обычаи, свое отношение к событиям окружающей действительности и их оценка. Данная особенность татарского языка раскрывается в современной татарской прозе. На основе системного и комплексного изучения способов выражения эмоциональности в современной татарской прозе на семантическом, лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях раскрывается богатство эмоциональных средств татарского языка, реализуемое в произведениях татарских прозаиков.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

*В изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации:*

1. Галиуллина Г. Р. Эмоциональный потенциал компонентов значения слова (на материале современной татарской прозы) / Г. Р. Галиуллина, Н. Ф. Галиева // Филология и культура. – 2014. – №4 (38). – С. 51–56.
 2. Галиева Н. Ф. Образность, символ и метафора как приемы выражения эмоциональности в современной татарской прозе (на примере повестей Ф. Байрамовой “Болын” и А. Халима “Өч аяклы ат”) / Н. Ф. Галиева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – №2. – С. 22–29.
 3. Галиева Н. Ф. Эмоциональность как характерная особенность фразеологизмов (на примере современной татарской прозы) / Н. Ф. Галиева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; url: <http://www.science-education.ru/129-21816> (дата обращения: 28.09.2015).
- В различных научных сборниках и журналах:*
4. Galieva N. F. Emotive idioms Tatar language as national mentality reflection / N. F. Galieva, G. R. Galiullina // Journal of Language and Literature. – Vol. 6, Issue 1, 1 February 2015, Pages 273–276.
 5. Галиева Н. Ф. Сүзнең сема структурасындагы эмотив компонентлар / Н. Ф. Галиева // Актуальные проблемы преподавания и практического применения татарского языка: материалы I Республиканского методического семинара (Казань, 16 ноября, 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 112–115.
 6. Галиева Н.Ф. Словообразование как способ передачи эмоциональности в татарском языке / Н. Ф. Галиева // Фәнни язмалар (Татар халкының бөек шагыйре Г. Тукайның 125 еллыгына багышлана). – Казан, 2011. – Б. 46–48.
 7. Галиева Н. Ф. Метафора как одно из средств выражения эмоциональности в татарском языке / Н. Ф. Галиева, Г. Р. Галиуллина // Победа. Наука. Молодежь: сб. тр. регион. 44-й науч. студ. конф. П 41. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 100–101.
 8. Галиева Н. Ф. Татар телендә эмоциональлекне белдерүдә метафораның роле / Н. Ф. Галиева // Татар лингвокультурологиясе: проблемалар һәм перспективалар: гомуми урта, махсус урта һәм югары белем бирү йортларында укучыларның республикакүләм фәнни-гамәли конференциясе материаллары (Казан, 6–7 нче май, 2010 нчы ел). – Казан: ТДГПУ, 2010. – Б. 54–55.